

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА В ОСМЫСЛЕНИИ НОВЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ

УДК 94.39(47)

Д. В. Верховцев

До и после «нокдауна»: обсуждение
национальности в 1920-х и теория
этноса в 1970-х¹

Верховцев Дмитрий Владимирович, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Москва), научный сотрудник; DVerhovtcev@gmail.com

Теория этноса, созданная академиком Ю.В. Бромлеем и его коллегами в 1970-е гг., базировалась на сложившихся в советской этнографии представлениях об этничности и, в основном, опиралась на работы, написанные не ранее 1940-х гг. Однако большинство ключевых вопросов, отраженных в теории этноса, были разработаны еще раньше, в ходе дискуссий 1920-х гг., когда этнографы активно участвовали в государственной политике коренизации и подготовке переписи населения 1926 г. Фактически, уже тогда были обсуждены различные определения национальности, состоялись бурные дебаты вокруг роли субъективных (идентичности) и объективных (языка, религии, культуры) этнических признаков. Тогда же, в ходе обсуждения национально-территориального устройства страны, сформировались представления об этнической иерархии и процессах консолидации народностей.

Период активного этнографического теоретизирования 1920-х гг. закончился «нокдауном» – гонениями на этнографию на рубеже десятилетий и репрессиями в отношении

многих этнографов. Положение и повестка этнографии разительно изменились, и многие исследовательские вопросы были надолго преданы забвению. Несмотря на то, что создание теории этноса было предпринято Бромлеем как попытка вернуть дисциплине собственный предмет изучения, а значит и научную автономию от идеологии и смежных дисциплин, теория не охватила весь круг вопросов, дискутировавшихся в 1920-е гг., а многие проблемы получили одностороннее освещение. «Нокдаун» надолго разорвал этнографическую традицию, и эта связь в значительной мере не восстановилась до сих пор.

Ключевые слова: история советской этнографии, теория этноса, Ю. В. Бромлей, Н. Я. Марр, этническое самосознание, этнос.

Теория этноса занимала место главной теории позднесоветской этнографии, и во многом олицетворяла ее в части теоретических разработок. Ю. В. Бромлей совместно со своими коллегами в Институте этнографии начал работу по систематизации взглядов советских этнографов на этничность в конце 1960-х гг. и, в основном, опирался на работы послевоенного времени, почти не обращаясь к работам советских этнографов 1920-х гг. Эти периоды разделили трагические события, названные Ю. Л. Слэзкиным «нокдауном» советской этнографии²: в начале 1930-х гг. дисциплина подверглась идеологическому разгрому, была низведена до статуса «первой главы учебника истории», а многие этнографы репрессированы. Учитывая статус и положение теории этноса, выбор предшественников в ее историографии можно изучать как построение родового древа всей советской этнографии. Насколько же исключение периода 1920-х гг. из рассмотрения было обосновано материалом теории этноса?

В книгах Бромлея генеалогия его теории выстраивается вокруг понятия «этнос», а не представлений о национальных/этнических явлениях в целом. Бромлей указывал, ссылаясь на Н. М. Могилянского, что в русской науке понятие «этнос» лишь эпизодически употреблялось для обозначения предмета этнографии в начале XX в., а потом сразу описывал разработку этого понятия С. М. Широкогоровым, причем, с ним же автор связывал и введение термина в язык «западноевропейской науки». Интересно, что здесь использована интересная схема легитимизации обращения к понятию «этнос»: с одной стороны, Бромлей объявляет главным разработчиком понятия русского ученого, а с другой – заявляет, что благодаря работам Широкогорова термин распространился в мировой науке, причем не только он, но и производимые термины:

«этническая группа» и «этническое образование»³. Такой ход позволил представить «этнос» как понятие, принадлежащее мировой науке, но в то же время разработанное русским ученым.

Как мы писали в другой работе, задачей Ю.В. Бромлея при создании теории этноса была реабилитация этнографии после репрессий 1930-х гг. и утверждение ее дисциплинарной автономности, что достигалось путем построения свободного от политических дискуссий академического дискурса⁴. Именно историографический заход через конкретный термин должен был увести теорию Бромлея от дискуссий, связанных с такими политизированными терминами, как «племя», «народность», «национальность» и «нация»: они лишь эпизодически обсуждаются в работах автора, но, в основном, как уже сложившиеся понятия⁵. Этот принцип представляется закономерным с точки зрения создания относительно аполитичного академического дискурса: не вступать в дискуссии со специалистами по марксизму-ленинизму и марксистской теории нации (хотя полностью этого избежать не удалось), однако только ли обществоведы участвовали в обсуждении этих терминов?

Специалисты по статистике уже во второй половине XIX в. обсуждали, что для определения национальности могут применяться «объективные» (язык, культура, религия) и «субъективные» (самосознание) признаки⁶; этнографы подключились к дискуссии чуть позднее и искали признаки, определяющие группу как этнически особую, вследствие чего и было предложено понятие «этноса» учеными петербургской антропологической школы⁷. В 1920-х гг. потребность в национальном учете населения потребовала подключиться многих, оставшихся в России и переживших Гражданскую войну, этнографов к выработке критериев, по которым определялась национальность тех или иных групп. Основной вопрос оставался прежним: нужно ли использовать «объективные» или «субъективные» признаки, а этнографы как раз были специалистами по «объективным» признакам национальных групп, населявших Советский Союз.

При подготовке к переписи населения 1926 г. Совет национальностей поручил Академии наук проработать вопрос «о точном определении термина „национальность“»; адресован он был прежде всего Комиссии по изучению племенного состава (КИПС), которая включала большое число этнографов⁸. Уже тогда, на заседании специальной подкомиссии, Н.Я. Марр высказал мысль, что «в современную эпоху национальность определяют не кровь, не территория, не формы физического туловища», а групповое самосознание⁹. Эта позиция, вполне созвучная современным представ-

лениям об этничности, надолго опередила свое время и не была вполне реализована и через полвека при создании теории этноса.

В дискуссии о национальности участвовали этнографы, привлекаемые Центральным статистическим управлением (В. В. Богданов, А. Н. Максимов) и члены КИПС (обычно в рамках региона, курируемого ими в своей специализации), объяснявшие, на какие критерии стоит опираться при проведении учета национального состава¹⁰. Чаще всего в силу научных интересов их внимание привлекали «объективные» признаки, однако, это не мешало этнографам признавать, какое значение имеет самоидентификация для выявления национальных категорий. В 1920-х гг. принцип этнической самоидентификации имел гораздо более сильные позиции, чем в позднесоветскую эпоху, и иногда становился основным фактором национального межжения, например, в случае УССР¹¹.

Этническое самосознание – важный компонент в теории Бромлея, который он ввел даже в определение этноса, хотя и на правах вторичного признака. Но писал ли он о своих предшественниках – этнографах и других ученых, так активно прорабатывавших этот вопрос для переписи 1926 г.? В истории вопроса дискуссия 1920-х гг. описывается как использование понятия в «социологической литературе», причем, утверждает автор, оно не подверглось в то время «теоретическому осмыслению». Дальше он приписывает главную заслугу обращения к этническому самосознанию П. И. Кушнеру (1951) и исследователям более позднего времени¹².

При этом нельзя сказать, что в дискуссиях 1920-х гг. использовался исключительно тот марксистский, обществоведческий глоссарий, роль которого Бромлей надеялся уменьшить своей теорией. Академик Марр, сначала просто значительная, а потом доминирующая фигура в гуманитарном дискурсе того времени, а также его ученики, – часто обращались и к понятию «этнос», встраивая его в привычную терминологию. Например, И. И. Мещанинов указывал, что это понятие не относится к первобытности, так как особенности труда охотника препятствовали образованию крупных общественных объединений¹³. Н. Я. Марр выражался еще более конкретно, помещая этнос в стадиальную марксистскую схему: этноса не было в первобытности – он появился позже, а в дальнейшем появилась нация (национальность)¹⁴. При этом, И. И. Мещанинов также указывает, что этнос прежде понимался, как объединение людей по происхождению (крови), от чего следует отказаться¹⁵. В 1927 г. В. Б. Аптекарь обрушился на этнографию за биологизм и внимание к расе, а на замечание Н. В. Никольского, что внимание от расы давно переключилось на этнос, отвечает, что, несмотря на смену названия, суть у этого

понятия осталось прежняя – «некая неделимая, первичная и одновременно не общественная, а взятая в разрезе естественно-научном субстанция»¹⁶.

То, что Ю. В. Бромлей признавал своими предшественниками лишь работы, написанные уже после «нокдауна», означает, что эти события стали важной вехой в отечественной этнографии. Под их влиянием были сформированы фигуры умолчания, самоцензура и специфическая для позднесоветской этнографии автобиография, не включающая плодотворные и насыщенные дискуссии 1920-х гг. Несмотря на старания многих историков этнографии, этот разрыв во многом не преодолен и сегодня.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект № 22–18–00241); организация, осуществляющая финансирование: Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН).

² Слэзкин Ю. Л. Советская этнография в нокдауне: 1928–1928//Этнографическое обозрение. 1993. № 2.

³ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1972. С. 22.

⁴ Верховцев Д. В., Петряшин С. С. Теория этноса vs марксизм: история миметического сопротивления//Кунсткамера. 2021. 1(11). С. 90.

⁵ Бромлей Ю. В. Указ. соч. С. 138–139.

⁶ Терлецкий П. Е. О методах анализа и корректирования данных переписей об этническом составе населения зарубежной Европы // Советская этнография. 1949. № 3. С. 145.

⁷ Алымов С. С. У истоков теории этноса: Н. М. Могилянский и петербургская антропология конца XIX – начала XX в.//Три века российской этнографии. М., 2012. С. 140–160.

⁸ Хирш Ф. Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: НЛЮ, 2022. С. 150.

⁹ Там же. С. 162.

¹⁰ Там же. С. 176–177. Ф. Хирш в основном ссылается на архивные документы заседаний комиссий, отчетов и рецензий, в которых происходила выработка позиции в отношении национальности. Однако результаты этого обсуждения также отложились в Программе переписи 1926 года, инструкций для переписчиков, а также нашли отражение в публикациях в изданиях КИПС и ЦСУ участников обсуждения.

¹¹ Хирш Ф. Указ. соч. С. 219.

¹² Бромлей Ю. В. Указ. соч. С. 96.

¹³ Мещанинов И. И. Введение в яфетидологию. Л.: Прибой, 1929. С. 86.

¹⁴ Марр Н. Я. Вопросы языка в освещении яфетической теории. Л.: ГА-ИМК, 1933. С. 260–261.

¹⁵ Мещанинов И. И. Указ. соч. С. 86.

¹⁶ Алымов С. С. Арзютов Д. В. Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских со-

циальных науках в 1920–1930-е годы//От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 31.

UDC 94.39(47)

D. V. Verkhovtsev

Before and After the “Knockdown”:
Discussions of Ethnicity in the 1920s
and the Ethnos Theory in the 1970s

Verkhovtsev Dmitry Vladimirovich, The N. N. Miclouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology the Russian Academy of Sciences (Moscow), researcher; DVerhovtcev@gmail.com

The ethnos theory developed by Academician Yu. Bromley and his team in the 1970s, was based on the ideas of ethnicity deeply rooted in the Soviet ethnography and followed mainly the works published in the 1940s at the earliest. However, the majority of key issues represented in the ethnos theory were developed even earlier, during the 1920s discussions, when ethnographers used to actively participate in the government nativization policy and preparations for the 1926 census. In fact, various definitions of ethnicity were discussed back then, along with heated debates around subjective (identity) and objective (language, religion, culture) ethnic markers. Also in that period, during discussions of the country's ethnic and territorial makeup, the ideas of ethnic hierarchy and ethnic group consolidation processes were discussed.

The period of active ethnography theory building in the 1920s ended in a “knockdown”: persecution of ethnography in the late 1920s–early 1930s and repressions toward a number of ethnographers. Ethnography position and agenda changed drastically: many research issues were forgotten for a long time. Despite the fact that Bromley developed his ethnos theory as an attempt to give ethnography back its own subject of study and therefore, its autonomy from ideology and allied disciplines, it did not cover all the variety of issues that used to be discussed in the 1920s, while numerous problems were handled in biased ways. The “knockdown” ruptured the ethnography tradition for a long time. To a great extent, its integrity has not been restored by now.

Keywords: the Soviet ethnography history, ethnos theory, Yu. Bromley, N. Marr, ethnic identity, ethnos.